

№ 6

СОЛДАТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОЊЗДНА МУРАВЬЕВА
ВЪ ХИВУ.

ИЗДАНИЕ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

Поѣздка Муравьева въ Хиву въ 1819 году.

В

осточный невѣдомый берегъ Каспійскаго моря, представлявшій въ туманной перспективѣ за обширными степями Татаріи путь въ Индію и по меньшей мѣрѣ выгодныя торговыя сношенія съ богатыми азіатскими странами, откуда шли въ Европу шелкъ и богатыя ткани, былъ постояннымъ предметомъ стремленій русскаго государ-

ства. Естественно, энергическій и оригинальный человекъ, какъ Ермоловъ, не могъ, съ своей стороны, не попытаться проникнуть своимъ вліяніемъ въ эти желанныя страны, тѣмъ болѣе, что весь западный берегъ Каспійскаго моря, съ Дербентомъ и Баку, былъ уже въ рукахъ Россіи.

Помнились еще и несчастный походъ Бековича, погибшаго подъ Хивою со всѣми своими войсками, и попытка временъ Екатерины Великой, окончившаяся плѣненіемъ Войновича. Но плодотворная мысль, которой предстояла великая будущность, несмотря на препятствія, жила и проявлялась, какъ только открывалась возможность къ тому. Даже прежнія, повидимому неудачныя, попытки не остались безъ результата, познакомивъ съ русскою страной туземцевъ восточнаго Каспійскаго побережья, и съ начала нынѣшняго столѣтія туркмены уже сами начинаютъ домогаться заведенія у нихъ русской торговой факторіи. Князь Циціановъ, несмотря на ничтожныя средства, которыми русскіе располагали тогда въ Грузіи, нашелъ однако возможнымъ осмотрѣть восточные берега Каспійскаго моря и указалъ три пункта, выгодные для устройства укрѣпленій. Дѣло, правда, при тогдашнихъ обстоятельствахъ тѣмъ и ограничилось; Циціановъ погибъ, и всѣ предположенія его по этому вопросу были пока оставлены. Ртищевъ, съ своей стороны, пытался возобновить переговоры съ туркменами при

посредствѣ дербентскаго купца, армянина Ивана Муратова, который прежде велъ торговлю съ Асхабадомъ и имѣлъ въ тѣхъ странахъ большое знакомство. Муратовъ ѣздилъ съ туркменскими депутатами, прибывшими заявить, что и они возстали противъ Персіи и опустошили всѣ мѣста близъ Астрабада (это было во время русской войны съ Фетх-Али-шахомъ персидскимъ). Но послы застали главнокомандующаго уже въ гюлистанскомъ лагерѣ,—закрывающимъ съ Персіей миръ. Персіане отлично понимали, насколько туркмены, поддержанные Россією, могли сдѣлаться для нихъ опасными, и потребовали, чтобы русское правительство не входило съ ними ни въ какія сношенія. Ртищевъ принялъ это условіе и, прилично одаривъ пословъ, отправилъ ихъ обратно. Народъ туркменскій былъ очень огорченъ этою неудачею.

Ермоловъ вполне оцѣнилъ всю пользу, какую можно было извлечь изъ пріязненныхъ отношеній къ намъ туркменъ.

Крѣпкій опорный русскій пунктъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря долженъ былъ имѣть своимъ результатомъ и еще одно важное преимущество. Имъ создавалась бы Россією новая серьезная угроза Персіи, которая въ случаѣ войны могла бы до значительной степени удержать ее отъ вторженія въ Закавказскіе предѣлы. Ермоловъ, понимавшій Персію и ея политику, какъ не многіе, естественно не

могъ упустить изъ виду этихъ важныхъ послѣдствій, хотя и старался повидимому не вызвать подозрѣній со стороны персидскаго правительства.

И въ 1819 году, въ то самое время, какъ русскія войска покорили Приморскій Дагестанъ, онъ уже рѣшилъ отправить на восточный берегъ Каспія экспедицію, съ тѣмъ, чтобы войти въ сношеніе съ туркменами и собрать подробныя свѣдѣнія о жизни, торговлѣ и промышленности этихъ кочевниковъ, а если окажется возможнымъ, то и основать тамъ складочный пунктъ, съ надежною гаванью, гдѣ русскіе корабли могли бы безопасно разгружаться на якорѣ. Но такъ какъ заведеніе какого бы то ни было торговаго пункта по ту сторону Каспійскаго моря неизбежно приводило Россію въ столкновеніе съ Хивою, и такъ какъ въ сущности въ рукахъ русскихъ не было хоть сколько-нибудь основательныхъ свѣдѣній о землѣ, на которой намѣревались завести торговую колонію, то Ермоловъ поручилъ елисаветпольскому окружному начальнику, майору Пономареву, отправиться въ приморскія кочевья туркменъ для осмотра мѣстности, а капитана Муравьева (Николая Николаевича, впоследствии — «Карскаго») послалъ къ хивинскому хану съ письмомъ, въ которомъ цвѣтистыми восточными фразами выражалъ желаніе «изъ цвѣтовъ сада дружбы сплести пріятный узелъ соединенія съ нимъ неразрывною пріязнью» и просилъ его «отпереть русскимъ ворота дружбы и любезныхъ сношеній».

Порученіе, данное Муравьеву, заключалось главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы склонить хивинскаго хана направлять торговые караваны не на Мангышлакъ, куда они пріѣзжали послѣ 30-дневнаго пути по безводнымъ и песчанымъ степямъ, а по новому пути, дававшему возможность въ 17 дней достигнуть Красноводска, лежащаго при Балаханскомъ заливѣ; въ Красноводскъ же, ко времени прибытія каравановъ, должны были приходить и русскія купеческія суда изъ Астрахани, для взаимной мѣны товаровъ.

18-го іюня 1819 года Муравьевъ отслушалъ въ Тифлисѣ, въ Сіонскомъ соборѣ, напутственный молебенъ и отправился въ дорогу, почти не надѣясь на возвращеніе. Несчастный примѣръ Бековича, такъ ужасно окончившаго свое полувоенное, полудипломатическое порученіе, извѣстная жестокость тогдашняго хивинскаго хана, Магометъ-Рахима, наконецъ трудное степное путешествіе—не обѣщали новому посланнику ничего утѣшительнаго.

Въ Баку Муравьеву пришлось прожить нѣсколько дней, пока снаряжалась команда, назначенная сопровождать Пономарева. Тутъ же, на рейдѣ, стоялъ уже совершенно готовый къ отплытію 18-пущечный корветъ «Казань», на которомъ путешественникамъ предстояло совершить переѣздъ черезъ море, и при немъ купеческій шкоутъ «Св. Поликарпа», предназначавшійся для перевозки тяжестей.

Въ ожиданіи отплытія, офицеры корвета устраивали морскія прогулки; компанія отправлялась обыкновенно къ домику, стоящему на берегу и называемому «морскими банями». Муравьевъ отмѣчаетъ въ своемъ путевоиъ дневникѣ, что туда приходилось плыть мимо развалинъ большого караванъ-сарая, скрытаго теперь подъ водою въ полуверстѣ отъ берега; изъ-подъ воды показываются только однѣ верхушки его башенъ. Неизвѣстно, когда и вслѣдствіе какой катастрофы зданіе это погрузилось въ море; но о немъ упоминаетъ, въ своемъ описаніи Каспійскаго моря, и Соймоновъ, участникъ экспедиціи Петровскаго времени.

18-го іюля корветъ вышелъ, наконецъ, въ открытое море, и, послѣ десятидневнаго плаванія, путешественники увидѣли туркменскій берегъ. 29-го числа Муравьевъ съ Пономаревымъ, въ сопровожденіи шести матросовъ, отправились къ берегу на двѣнадцати-весельномъ баркасѣ, вооруженномъ коронадой и двумя фальконетами. И здѣсь, въ самомъ началѣ экспедиціи, Муравьеву пришлось уже встрѣтить суровыя испытанія. Такъ какъ предполагалось возвратиться въ тотъ же вечеръ на корветъ, то не позаботились взять съ собою воды и продовольствія. А рекогносцировка берега не привела между тѣмъ ни къ какимъ результатамъ; нигдѣ не было даже признаковъ близкаго туркменскаго кочевья. Муравьевъ отправился было въ обратный путь,

какъ вдругъ поднялась сильная буря; волны, гонимыя вѣтромъ, высоко вздымаясь, затопляли баркасъ и вынудили наконецъ снова высадиться и ночевать на берегу. Обстоятельство это не мало встревожило маленькую партію. Бури въ тѣхъ мѣстахъ продолжаются иногда по недѣлямъ, а наши путники не имѣли съ собою ни воды, ни хлѣба; къ тому же ежечасно можно было ждать нападенія хищныхъ туркменъ, которые въ тѣ времена пользовались бурями, чтобы захватывать прибываемыя къ берегамъ суда промышленниковъ.

Приближалась ночь. Фальконеты были сняты на берегъ, и команда расположилась ночевать на бугрѣ, принявъ строгія мѣры военной предосторожности. Въ то же время, чтобы дать о себѣ вѣсть на корветъ, разложили огромный костеръ, благо отличное топливо—прибрежный камышъ былъ подъ рукой въ неистощимыхъ размѣрахъ. Къ утру положеніе команды стало еще тяжелѣе; буруны не уменьшались, а послѣдніе сухари были съѣдены, и воды не осталось ни капли. Томимые жаждой, люди глотали морскую воду, но отъ нея тошнило и появлялись боли въ желудкѣ. Вдругъ огромная волна совершенно затопила баркасъ. И хотя матросы тотчасъ кинулись спасать его и, успѣвъ сбросить въ море коронаду, вытащили судно на берегъ, но оно оказалось поврежденнымъ. Тогда попытались еще разъ найти кочевье или прѣсную

воду; но безрезультатные поиски только напрасно утомили людей. Муравьеву оставалось, по его собственному выражению, «сидеть у моря и ждать погоды». В случаѣ крайности рѣшено было бросить баркасъ и фальконеты, и пѣшкомъ пробраться въ Астрабадъ. Къ счастью, на третій день погода утихла, баркасъ былъ исправленъ, и 31-го іюля команда возвратилась на корветъ.

При отсутствіи картъ не было никакой возможности опредѣлить хотя приблизительно даже мѣсто, гдѣ находились путешественники. Къ счастью, на слѣдующее утро увидѣли нѣсколько туркменскихъ «киржимовъ», лодокъ, плывшихъ около берега. Надо было остановить хотя одну изъ нихъ, чтобы добыть языка, и съ этою цѣлью съ корвета былъ сдѣланъ холостой пушечный выстрѣлъ. Но туркмены не поняли сигнала и, напротивъ, перепуганные выстрѣломъ, налегли на весла. Тогда по нимъ пустили два ядра и отправили въ погоню шестерку съ вооруженною командою. Одна изъ лодокъ была отрѣзана; туркмены, бывшіе на ней, бросились на берегъ, но хозяинъ лодки, Девметъ-Али, былъ захваченъ и привезенъ на корветъ. Это былъ шестидесятилѣтній старикъ изъ почетнаго сословія. Отъ него узнали, что мѣсто, гдѣ была сдѣлана высадка, носитъ названіе «Бѣлый бугоръ» или Акъ-Тепе, что южнѣе лежитъ «Серебряный бугоръ», а между ними стоитъ большое кочевье туркменъ, гдѣ живетъ

и старшина Кіать, одинъ изъ ѣздившихъ къ генералу Ртищеву депутатомъ отъ туркменскаго народа.

Благодаря этимъ указаніямъ, явилась возможность ориентироваться. 3-го августа путешественники подплыли къ «Серебряному бугру» и послали старика извѣстить ближайшія кочевья о прибытіи къ ихъ берегамъ русскаго корвета. Туркмены не замедлили явиться, а вслѣдъ за ними прибылъ и самъ Кіать-Ага, лицо весьма значительное, которому повиновались нѣсколько старшинъ, вмѣстѣ съ ихъ родами. Принятые какъ гости, со всевозможной предупредительностію, туркмены скоро освоились съ русскими настолько, что просили Муравьева показать имъ, «какъ русскіе солдаты играютъ ружьями». «Мы слышали отъ стариковъ, — говорили они: — что ваши солдаты такъ выучены, что если одинъ топнетъ ногою, то, сколько ихъ ни есть, всѣ топнутъ разомъ». Имъ показали ученье съ пальбою, и они чрезвычайно дивились ему. Кіать отвелъ Муравьева въ сторону и предупредилъ его, чтобы солдаты, ѣздившіе на берегъ за водою, были осторожны и не расходились поодионокѣ. «Персіяне — сказалъ онъ: — подкупили туркменъ, не нашихъ, а другихъ ауловъ, и по васъ будутъ стрѣлять изъ камыша». Лучшею мѣрою въ сношеніяхъ съ азіятцами, впрочемъ, всегда была собственная осторожность, и, благодаря строгому порядку, заведенному Муравьевымъ, въ продолженіе всей долгой стоянки

у «Серебрянаго бугра», не было ни одного несчастнаго или непрятнаго случая. А стояли здѣсь долго; около мѣсяца потребовалось на то, чтобы обозрѣть берега и составить описаніе и карты. Лишь 10-го сентября корветъ прибылъ наконецъ къ Красноводску, и здѣсь начались приготовленія Муравьева къ поѣздкѣ въ Хиву.

«Рѣшаясь на это путешествіе,—говоритъ самъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ:—я имѣлъ весьма мало надежды возвратиться назадъ; но шагъ уже былъ сдѣланъ, и я былъ довольно спокоенъ, совершенно положившись на благодѣнье Провидѣнія».

19-го сентября, простившись съ своими спутниками, Муравьевъ выѣхалъ въ степь. Весь конвой его состоялъ изъ одного солдата, переводчика, армянина Петровича, и проводника туркмена, по имени Сеида. Всѣ четверо ѣхали верхами; солдатъ велъ вьючныхъ верблюдовъ и смотрѣлъ за подарками, предназначавшимися хану и его сановникамъ. Не безопасно было ѣхать черезъ степь съ ничтожнымъ конвоемъ, но «недостатокъ людей—говоритъ Муравьевъ:—я замѣнилъ добрымъ ружьемъ, пистолетами, большимъ кинжаломъ и шашкою, которые не снималъ съ себя цѣлую дорогу».

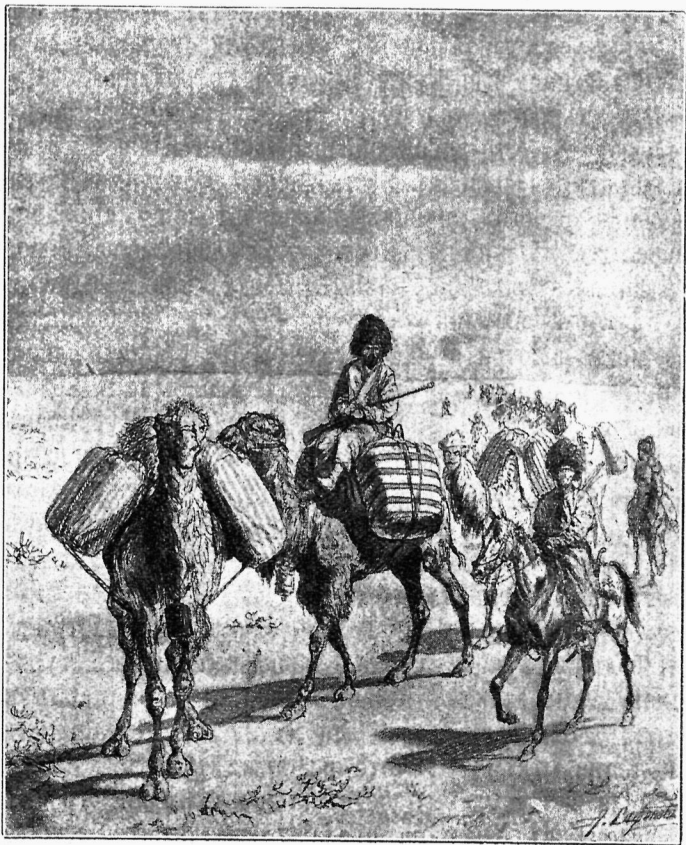
Поднявшись на высокія скалы, окаймляющія берега Балаканскаго залива, Муравьевъ въ послѣдній разъ увидѣлъ корветъ, высадившій его на этотъ пустынный берегъ и спокойно стоявшій въ заливѣ

на якорѣ. Передъ нимъ лежала теперь безграничная степь, безбрежное песчаное море, лишенная всякой зелени, мертвая пустыня, гдѣ лишь изрѣдка пробивался тошій репейникъ, и глазъ человѣка не встрѣчалъ ни животнаго, ни перелетной птицы. Мысль объ удаленіи изъ отечества, быть можетъ для того, чтобы впасть въ вѣчную неволю или умереть подъ варварскими истязаніями свирѣпаго хана, невольно западала Муравьеву въ душу. Рѣдкія кочевья, попадавшіяся на пути, не успокаивали взволнованнаго воображенія; чувствовалось, по простому отсутствію пашень, что лѣндивые и беззаботные полудикари, добывавшіе хлѣбъ не иначе, какъ на базарахъ Хивы и Астрабада, должны жить на счетъ своихъ сосѣдей. Дѣйствительно, встрѣча съ такими кочевьями была не всегда безопасна: промыселъ ихъ—воровство людей, которыхъ они и продавали въ Хиву за большія деньги; одно ожиданіе такой встрѣчи приводило трусливаго Петровича въ отчаяніе, и страхъ его былъ такъ комиченъ, что заставлялъ Муравьева смѣяться въ самыя тяжелыя минуты. Совсѣмъ другой человѣкъ былъ Сеидъ, самъ извѣстный наѣздникъ; прославившійся разбоями въ Персіи. Когда Сеиду было еще только 16 лѣтъ, онъ ѣздилъ однажды со своимъ престарѣлымъ отцомъ въ степь. Тамъ они нечаянно наткнулись на шайку текинцевъ; отецъ сидѣлъ на добромъ конѣ, а Сеидова лошадь была не изъ луч-

шихъ. Не имѣя надежды спастись, старикъ соскочилъ съ сѣдла и, отдавая сыну своего коня, сказалъ ему: «Сеидъ! я уже старъ и довольно пожилъ на свѣтѣ; ты молодъ и можешь поддержать наше семейство. Прощай, спасай себя, пока есть еще время!» Сеидъ выхватилъ саблю и отвѣчалъ: «Отецъ! если ты не хочешь бѣжать, то я не покину тебя и буду защищаться; тогда мы погибнемъ оба, и семейство наше осиротѣетъ»... Спорить было некогда, они рѣшились спастись каждый на своемъ конѣ и наступившая ночь укрыла ихъ отъ разбойниковъ. Старый отецъ повсюду рассказывалъ послѣ этого, что сынъ превзошелъ его въ храбрости. На Сеида Муравьевъ могъ, слѣдовательно, понадѣяться.

Но одинъ въ полѣ все-таки не воинъ, и потому всѣ наши путники были рады, догнавъ караванъ, шедшій въ Хиву. И чѣмъ дальше уходилъ караванъ отъ морского берега, тѣмъ становился болѣе и болѣе, увеличиваемый разнымъ людомъ, съѣзжавшимся съ окрестныхъ кочевковъ. На третій день, когда онъ вступалъ въ совершенно безлюдную степь, въ немъ было уже до двухсотъ верблюдовъ и до сорока вооруженныхъ людей. Все это отправлялось въ Хиву за покупкою хлѣба.

Для нашихъ путниковъ это сообщество было и хорошо и дурно; удобнѣе было защищаться въ случаѣ открытаго нападенія, но зато надо было беречься и своихъ случайныхъ спутниковъ. «Какъ

Караванъ въ степяхъ хивинскихъ.

бы то ни было,—говорить Муравьевъ:—а я всегда брать предосторожность и во всё шестнадцать дней и ночей нашей поѣздки не снималъ оружія».

Зная подозрительность всѣхъ вообще азіятцевъ къ людямъ, что-либо срисовывающимъ или записывающимъ, Муравьевъ былъ очень затрудненъ въ веденіи своего дневника, основательно опасаясь прослыть за шпиона. Поэтому онъ записывалъ все видѣнное только по ночамъ, когда всѣ засыпали, и притомъ разными знаками, для того, чтобы никто не могъ разобрать ихъ, если бы эти записки, паче чаянія, попали въ руки хана. Стараясь какъ можно меньше обращать на себя вниманіе, Муравьевъ одѣлся въ туркменское платье и назвался Мурадъ-беємъ. Это представляло своего рода выгоду; хотя въ караванѣ всѣ знали, кто онъ, но при встрѣчѣ съ чужими онъ не возбуждалъ уже опаснаго любопытства и избавлялся отъ вопросовъ, иногда весьма щекотливаго свойства. Только однажды при встрѣчѣ съ большимъ караваномъ, сопровождавшіе его туркмены заподозрили нашихъ путешественниковъ и стали добиваться: что это за люди? Начальникъ каравана отвѣчалъ: «это плѣнные русскіе; нынче пришли ихъ суда къ берегу, мы поймали троихъ и веземъ въ Хиву на продажу».—«Везите, везите невѣрныхъ собакъ,—отвѣчали туркмены:—мы сами только что продали русскихъ и взяли хорошія деньги. Нынче этотъ товаръ въ цѣнѣ».

2-го октября путники достигли предѣловъ Хивы. Но именно въ эту ночь случилось большое лунное затменіе, встревожившее весь караванъ, такъ какъ, по понятіямъ туркменъ, оно предзнаменовало ему дурной пріемъ въ Хивѣ. «Съ стѣсненнымъ сердцемъ,—говоритъ Муравьевъ:—перѣехали мы границу. Картина природы рѣзко измѣнилась—повсюду воздѣланныя поля, сады и арыки.

— Отчего вы не обрабатываете свои земли такимъ же образомъ? спросилъ Муравьевъ своихъ спутниковъ.

— «Наши земли ничего не производятъ», отвѣчали ему.

— А если земли ваши ничего не производятъ, то отчего же вы не переселитесь въ Хиву?

— «Посоль,—отвѣчали ему туркмены съ гордостью:—мы господа, а это наши работники. Они боятся своего владѣльца, а мы, кромѣ Бога, ничего не боимся».

Нужно сказать, что, несмотря на эти гордые слова, туркмены охотно служили хивинскому хану. Муравьевъ высказалъ это.

Туркмены обидѣлись.

— «Господинъ посланникъ!—сказалъ ему одинъ изъ нихъ, ударивъ рукою по ефесу сабли:—мы, туркмены, люди простые; намъ такія вещи прощаютъ, но уважаютъ за храбрость нашу и за

острее кривой сабли, которая всегда предстоить къ услугамъ хана».

— Она также будетъ предстоять и къ услугамъ Бѣлаго Царя,—сказалъ Муравьевъ:—съ той минуты, какъ при моемъ посредничествѣ установится миръ и доброе согласіе между двумя державами.

Съ дороги Муравьевъ послалъ между тѣмъ двухъ гонцовъ: одного въ Хиву, съ извѣстіемъ къ хану о своемъ прибытіи, а другого—въ ближайшую ханскую крѣпостцу, Акъ-Сарай, для извѣщенія о томъ же тамошняго хивинскаго чиновника. Изъ Хивы въ тотъ же день прибылъ навстрѣчу Муравьеву туркменскій старшина Берди-Ханъ, личность весьма примѣчательная: въ 1812 году онъ служилъ у персіанъ, раненъ въ Асландузскомъ дѣлѣ и былъ однимъ изъ немногихъ, спасшихся въ этотъ страшный день отъ истребленія; вылѣчившись отъ раны, онъ служилъ нѣкоторое время у генерала Лисаневича, потомъ возвратился на родину и, наконецъ, бѣжалъ въ Хиву.

Последнюю ночь передъ въѣздомъ въ столицу хивинскаго хана Муравьевъ провелъ въ какой-то бѣдной деревушкѣ. Утромъ онъ хотѣлъ выѣхать рано; но одинъ изъ туркменскихъ старшинъ пригласилъ его на завтракъ, и отказаться было бы весьма неполилично. Обстоятельство это, заставившее его промедлить часа два, оказалось весьма

важнымъ въ этой деспотической странѣ: только что наши путники выѣхали изъ деревни, какъ съ ними встрѣтился конный чапаръ и просилъ отъ имени хана остановиться, чтобы подождать двухъ чиновниковъ, посланныхъ къ нему навстрѣчу. Тѣ, дѣйствительно, скоро приѣхали и объявили Муравьеву ханское приказаніе—ѣхать въ деревню Иль-Гельды и тамъ ожидать. «Такимъ образомъ,—говоритъ Муравьевъ:—не случись нашего завтрака, обстоятельства могли принять совершенно другой оборотъ. Я въ тотъ же день былъ бы въ Хивѣ, и ханъ, удивленный моимъ внезапнымъ прибытіемъ, можетъ быть, принялъ бы меня хорошо; а съ другой стороны могло быть и то, что народъ растерзалъ бы меня до въѣзда въ городъ по повелѣнію того же хана, до котораго бы вдругъ дошли слухи, что русскіе пришли въ Хиву для отмщенія за кровь Бековича. Такіе слухи въ Хивѣ распространить легко, и владѣлецъ, никогда ничего не видѣвшій, кромѣ своего маленькаго ханства и степей, его окружающихъ, могъ легко этому повѣрить».

Въ деревнѣ Иль-Гельды была небольшая крѣпостца, принадлежавшая Хаджатъ-Мегрему, одному изъ ханскихъ любимцевъ. Въѣздъ въ нее былъ только одинъ, черезъ большія ворота, запиравшіяся огромнымъ висячимъ замкомъ. Муравьевъ понялъ, что онъ арестованъ. Дѣйствительно, Магометъ-Рахимъ подъ разными предлогами день ото дня от-

кладывалъ пріемъ, а между тѣмъ обращеніе съ Муравьевымъ становилось съ каждымъ днемъ грубѣе, пища отпускалась умѣреннѣе, а чай перестали давать ему и вовсе. Такъ прошло 12 дней. По слухамъ, хану было доложено, что Муравьевъ во время пути велъ какія-то записки, и явилось сомнѣніе, не лазутчикъ ли онъ. Ханъ приказалъ Хаджатъ-Мегрему еще болѣе стѣснить свободу заключенныхъ и учредить за ними строгій надзоръ, а самъ находился въ большой нерѣшительности. Наконецъ, онъ собралъ совѣтъ.

— «Туркмены, проводившіе сюда Муравьева,—сказалъ ханъ собранію:—не должны были допустить его до моихъ владѣній; они должны были убить его и представить ко мнѣ только письма и подарки, которые онъ везъ. Но такъ какъ онъ уже здѣсь, то дѣлать нечего, и я желаю знать, что посоветуетъ мнѣ кази».

— Этого нечестиваго—отвѣтилъ кази:—слѣдуетъ вывести въ поле и зарыть живымъ.

— «Кази,—сказалъ ханъ:—я предполагалъ у тебя больше ума, чѣмъ у себя самого; но теперь вижу, что у тебя его совсѣмъ нѣтъ. Если я его убью, то на будущій же годъ Бѣлый Царь придетъ и полонитъ всѣхъ женъ моего гарема. Лучше будетъ принять посла и отправить его обратно; а между тѣмъ пускай онъ посидитъ; нужно развѣ-

дать, за какимъ онъ дѣломъ пріѣхалъ сюда, а ты уйди вонъ!»

Голоса въ совѣтѣ раздѣлились: одни полагали, что Муравьевъ пріѣхалъ, чтобы выручить русскихъ невольниковъ; другіе—требовать удовлетворенія за сожженіе двухъ русскихъ судовъ въ Балаканскомъ заливѣ, случившееся лѣтъ десять назадъ; иные же упорно стояли на томъ, что онъ пріѣхалъ требовать возмездія за кровь князя Бековича. Говорили также, что къ берегамъ Туркменіи пришелъ русскій флотъ, что тамъ заложена большая крѣпость, и что Муравьевъ, узнавъ дорогу, на будущій годъ непременно приведетъ въ Хиву русское войско. И, несмотря на изгнаніе кази, всѣ разнородныя мнѣнія сводились къ одному знаменателю: посла надо казнить, а на худой конецъ, тайно убить или взять въ невольники.

Слухи объ этомъ мнѣніи совѣта и о тайныхъ намѣреніяхъ хана, доходя до Муравьева, не могли не тревожить его. Съ перваго шага въ Хиву онъ былъ уже плѣнникомъ. Врожденная свирѣпость хана и безъ совѣта приближенныхъ уже побуждала его умертвить иноплеменника, и только страхъ передъ Бѣлымъ Царемъ еще удерживалъ его. Провѣдавъ о худомъ оборотѣ дѣла, туркмены, сопровождавшіе Муравьева на пути, стали опасаться, чтобы и имъ не пришлось пострадать изъ-за него, и перестали оказывать ему уваженіе. Даже лучшій изъ нихъ,

Сеидъ, и тотъ своимъ пзмѣнившимся поведеніемъ доставилъ много скорбныхъ минутъ Муравьеву. Неволя приходилось ему болѣе и болѣе убѣждаться, что мрачныя предчувствія, тревожившія его передъ поѣздкой, должны сбыться.

«Я не зналъ,—говоритъ Муравьевъ:—на что мнѣ рѣшиться; мнѣ предстояли неминуемо или томительная неволя, или позорная и мучительная казнь; я помышлялъ о побѣгѣ и лучше желалъ, чтобы меня настигли въ степи, гдѣ я могъ умереть на свободѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, а не на плахѣ, подъ пожомъ хивинскаго палача. Однакоже мысль о неисполненіи своей обязанности, когда еще могла быть на это сомнительная и малая надежда, меня останавливала. Я рѣшился остаться, привелъ въ порядокъ свое оружіе и приготовился къ защитѣ, если бы на меня внезапно напали. Къ счастью, со мною была книга Попа—переводъ *Иліады*; я всякое утро выходилъ въ садъ и занимался чтеніемъ, которое меня развлекало».

Размышляя о своемъ бѣдственномъ положеніи, Муравьевъ думалъ, если его не лишать жизни, то, конечно, обратятъ въ невольники; и мысль эта даже улыбалась ему. въ сравненіи съ тѣмъ одиночнымъ заключеніемъ, въ которомъ онъ томился. «Будучи въ неволѣ,—говоритъ Муравьевъ:—я утѣшался бы тѣмъ, что буду имѣть возможность по крайней мѣрѣ видѣть моихъ соотечественниковъ; я имѣлъ

въ виду при первомъ удобномъ случаѣ взбунтовать ихъ противъ хивинцевъ и избавить отъ тяжелаго рабства».

Между тѣмъ быстро приближалась зима. Листъ уже падалъ, утренники становились свѣжѣе. 48 дней прожилъ Муравьевъ между страхомъ смерти и надеждою. Но вотъ, 17-го ноября, ханъ, долго колебавшійся, рѣшился, наконецъ, принять посланника. Въ Иль-Гельды поскакалъ гонецъ, и Муравьевъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ крѣпости. «Очутившись въ полѣ, — говоритъ онъ въ запискахъ: — я почти не вѣрилъ, что освобожденъ отъ жестокаго заточенія, въ которомъ ежеминутно ожидалъ себѣ смерти». Но вотъ и Хива. Высокая каменная стѣна окружала городъ, надъ которымъ возвышался огромный куполъ мечети бирюзоваго цвѣта съ золотымъ шаромъ наверху; пошли древнія могилы, арыки, съ прекрасными каменными перекидными мостами, и, наконецъ, громадныя сады. Многочисленная толпа любопытныхъ встрѣтила посланника при въѣздѣ въ городъ и сопровождала его до самаго дома, принадлежавшаго первому ханскому визирю. Такъ какъ обыкновенно ханъ Магомедъ-Рахимъ спалъ въ теченіе дня, а занимался дѣлами ночью, то письма и подарки отправлены были къ нему еще съ вечера. Въ числѣ подарковъ видное мѣсто занимали девять хрустальныхъ стакановъ, — именно девять, потому что число это считается хивинцами счастливымъ, —

и огромный подносъ, на которомъ стояли двѣ головы сахару и лежали 10 фунтовъ свинцу, такое же количество пороху и 10 кремней. Число десять, нужно сказать, у хивинцевъ одно изъ самыхъ несчастныхъ. Оригинальный подарокъ этотъ хивинцы сами растолковали себѣ слѣдующимъ образомъ: двѣ головы сахару обозначаютъ предложеніе мира и сладкой дружбы; порохъ, свинець и кремни—войну, если они не согласятся на дружбу.

На слѣдующій день, передъ вечеромъ, верховный визирь вошелъ къ Муравьеву и торжественно объявилъ ему, что ханъ желаетъ видѣть посланника. Муравьевъ одѣлся въ полный мундиръ, къ которому пришилъ изъ предосторожности вмѣсто чернаго красный воротникъ, опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ, находившихся въ Хивѣ, не узналъ по мундиру офицера генеральнаго штаба и не растолковалъ бы хану, что специальность этого рода службы заключается именно въ снятіи плановъ, въ описаніи дорогъ и обзорѣннн страны въ военномъ отношеніи. Во время пути Муравьевъ потерялъ свой головной уборъ и потому замѣнилъ его высокою персидскою шапкою; оружіе отъ него отобрали.

Пройдя нѣсколько дворовъ, въ предшествіи юзъ-бани и приставовъ, Муравьевъ остановился наконецъ передъ кибиткою, въ глубинѣ которой увидѣлъ колоссальную, поражающую своею громадностію,

фигуру хана, въ красномъ халатѣ, сшитомъ уже изъ сукна, привезеннаго ему Муравьевымъ въ подарокъ; небольшая серебряная петлица застегивалась на груди, на головѣ была чалма съ бѣлою, какъ снѣгъ, повязкою. Онъ сидѣлъ неподвижно на дорогомъ хорасанскомъ коврѣ, имѣя по сторонамъ себя двухъ важнѣйшихъ хивинскихъ сановниковъ. Ханъ, по словамъ Муравьева, былъ въ сажень ростомъ, очень широкоплечъ и такъ массивенъ, что ни одна лошадь не могла возить его два часа къ ряду; лицо его, опушенное короткой, свѣтлорусой бородою, вовсе не имѣло на себѣ отпечатка известной всѣмъ его свирѣпости; онъ говорилъ величественно, громкимъ, но пріятнымъ голосомъ.

Остановившись противъ него, Муравьевъ поклонился, не снимая шапки, и, соблюдая этикетъ, ожидалъ молча, что скажетъ ханъ. Послѣ минутнаго молчанія одинъ изъ ханскихъ приближенныхъ произнесъ молитву: «Да сохранить Богъ владѣніе сіе для пользы и славы владѣльца». Тогда ханъ, погладивъ себя по бородѣ, привѣтствовалъ Муравьева:

— «Добро пожаловать, посланникъ! Зачѣмъ пріѣхалъ и какую имѣешь просьбу?»

— Главнокомандующій нашъ—отвѣчалъ Муравьевъ:—желаетъ войти въ тѣсныя сношенія съ вами и хочетъ утвердить торговлю на пользу обѣихъ державъ.

Затѣмъ онъ изложилъ подробно причины этого посольства. Но, несмотря на все краснорѣчіе, ему не удалось убѣдить Магометъ-Рахима въ выгодахъ, которыя произойдутъ отъ перемѣны торговаго пути. Ханъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ отказомъ и въ заключеніе сказалъ: «Жители Мангишлака мнѣ покорны. Для чего же я соглашусь перемѣнить путь и отниму отъ нихъ выгоды, которыя они теперь имѣютъ?» Какъ ни уговаривалъ хана Муравьевъ, обѣщая даже, что въ случаѣ согласія и дружбы, враги его будутъ и русскими врагами, все было напрасно: ханъ не перемѣнилъ рѣшенія. Аудіенція была окончена.

Пока шли переговоры, двое ханскихъ служителей принесли халатъ изъ золотой парчи съ богатѣмъ къ нему кушакомъ изъ дорогой ткани, на которомъ висѣлъ кинжалъ въ серебряной оправѣ. Это были ханскіе подарки Муравьеву. По обычаю страны, онъ тутъ же надѣлъ халатъ, поверхъ своего мундира, и въ этомъ уборѣ отошелъ отъ кибитки. У воротъ дворца его ожидалъ прекрасный сѣрый жеребецъ туркменской породы. Едва Муравьевъ сѣлъ въ сѣдло, какъ двое туркменъ повели коня подъ уздцы, двое помѣстились возлѣ стремянъ, и торжественное шествіе посланника направилось по улицамъ Хивы къ дому верховнаго vizя.

Собираясь въ обратный путь, Муравьевъ по-

слалъ къ оружейнику поправить свое двухствольное ружье. Его возвратили дня за два до отъѣзда починеннымъ очень дурно; но зато оно оказало Муравьеву другого рода услугу. Когда онъ хотѣлъ зарядить его, оказалось, что лѣвый стволъ чѣмъ-то засоренъ; его осмотрѣли и вытацили изъ него свернутую бумажку: это было коллективное письмо русскихъ плѣнныхъ; они извѣщали, что ихъ три тысячи человѣкъ и просили довести о ихъ судьбѣ до свѣдѣнія Государя.

21-го ноября Муравьевъ покинулъ Хиву. Онъ пустился теперь по новой, пролегавшей мимо текинскихъ владѣній, дорогѣ, которая была значительно короче, хотя и гораздо опаснѣй. Сильная стужа очень замедляла походъ, а между тѣмъ явилось опасеніе, что корветъ, при наступленіи зимы, возвратится назадъ въ Баку, не дождавшись посла. Нетерпѣніе Муравьева скорѣе достигнуть берега и узнать свою участь было такъ сильно, что онъ бросилъ наконецъ караванъ и уѣхалъ въ сопровожденіи только трехъ туркменъ. 13-го декабря онъ былъ уже на берегу; корветъ его еще ждалъ, и легко представить, съ какою радостію онъ встрѣченъ былъ офицерами, уже терявшими надежду увидѣть его въ этой жизни. Муравьевъ прибылъ во-время. Не полагая, чтобы пребываніе Муравьева въ Хивѣ было продолжительно, корветъ не запасся продовольствіемъ и потому все это время бѣдство-

валъ: цѣлый мѣсяцъ люди держались на половинной порціи; изъ 140 матросовъ пять уже умерло, а изъ остальныхъ только двадцать были здоровы. Съ половины ноября въ заливѣ сталъ показываться ледъ, и, опоздай Муравьевъ еще день-два, корветъ неминуемо ушелъ бы назадъ.

Обратное плаваніе длилось шесть дней. 26-го декабря корветъ вошелъ уже въ Бакинскій рейдъ, а 17-го января 1820 года Муравьевъ пріѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ представился Ермолову и отдалъ ему отчетъ въ своемъ путешествіи. Съ нимъ вмѣстѣ представились Ермолову два хивинскіе посланника, которые торжественно и вручили ему письмо отъ своего повелителя.

«Отецъ побѣды Абул-Гази-Мамед-Рахимъ-ханъ — сказано было въ этомъ письмѣ:—привѣтствуетъ высокостепеннаго и высокопочтеннаго главнокомандующаго Ермолова, который да будетъ нашею монаршею милостію отличенъ и да вѣдаетъ:

«Усердное письмо объ обращеніи по дружбѣ и знакомству, присланное съ Н. Н. Муравьевымъ, предстоящіе при дворѣ нашемъ чиновники получили, и содержаніе онаго стало извѣстно. Что касается до писанія твоего, чтобы основаніе дружбы было возобновлено и утверждено черезъ продолженіе между нами сношеній, и стараніемъ обѣихъ сторонъ купцы имѣли бы открытые пути и спокойно пользовались бы торговлею, то по сему дѣлу будь из-

вѣстень, что нынѣ караваны и купцы безопасно и спокойно ѣздить въ сторону Яика и Астраханскаго владѣнія. А какъ Ямудскіе и Гокланскіе народы нѣкоторые служатъ намъ, а другіе Каджару, то когда по волѣ Божіей поступятъ и они подъ власть нашу, тогда можетъ исполниться то, что угодно будетъ Богу».

«Передавъ пышное письмо, — говоритъ Ермоловъ; — послы передали мнѣ и ничтожныя подарки: двѣ хорошія шаля, 10 бухарскихъ мерлушекъ, два простыхъ сѣдла и нѣсколько фунтовъ изюму». Впрочемъ, нужно сказать, что два жеребца, присланные въ подарокъ Ермолову, остались за моремъ, по невозможности перевезти ихъ съ собою. Хивинскихъ посланниковъ отдарили перстнями и отправили въ Тифлисъ, гдѣ они должны были провести зиму, чтобы весной возвратиться на родину.

Ермоловъ очень цѣнилъ совершенное Муравьевымъ путешествіе. «Съ почтеніемъ смотрю на ваши труды и на твердость, съ которою вы превозмогли и затрудненія и самую опасность, противопоставивъ исполненію положеннаго на васъ порученія, — писалъ онъ къ Муравьеву по поводу его экспедиціи: — Вы собственно мнѣ сдѣлали честь, оправдавъ выборъ мой исполненіемъ столь труднаго порученія, и я почитаю себя обязаннымъ представить Государю Императору объ отличномъ усердіи вашемъ къ пользѣ его службы».

Дѣйствительно, хотя попытка открыть сношенія съ Хивою и не увѣчалась полнымъ успѣхомъ, однакоже посольство не осталось безъ результата: Муравьевъ собралъ положительныя свѣдѣнія о странѣ, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной, и убѣдился въ возможности съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать противу Хивы даже оружіемъ. «Безбрежныя и горючія степи, окружающія эту страну, — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: — составляютъ ея главную силу. Это препятствіе, положенное самою природой, можетъ устрашить другой народъ, но не русскій. Трехтысячнаго отряда достаточно, чтобы покорить и удержать за Россією ханство, столь важное для насъ при открытіи торговыхъ сношеній съ Азіей». Таково мнѣніе, которое вынесъ изъ знакомства съ Хивою Муравьевъ, этотъ истинно мужественный и непоколебимый русскій человѣкъ, который въ тяжеломъ заточеніи, среди свирѣпыхъ дикарей, лицомъ къ лицу съ мучительною смертію, непрерывно ему угрожавшей, помышлялъ только о благѣ своей родной страны.

В. Потто.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 5 октября 1899 года.

Типографія Тренка и Фюсно, Максимілиановскій пер., № 13.

1 5 СЕН